

Памяти Митрополита Евлогія

8-го августа 1946-го года, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, скончался Высокопреосвященнѣйшій Ректоръ нашего Богословскаго института, и съ его смертью закончился цѣлый періодъ въ церковной жизни русской эмиграціи въ Западной Европѣ. Не стало авторитетнаго и общепризнаннаго главы Западно-Европейской Епархіи, а Богословскій институтъ потерялъ своего основателя, своего безсмѣннаго Ректора, всегда стоявшаго на стражѣ интересовъ института. Со смертью Митрополита Евлогія, въ церковныхъ кругахъ русской эмиграціи начался сложный внутренній процессъ, намѣтились острыя раздѣленія, — и болѣе всего это почувствовали мы въ нашемъ институтѣ. Противъ института со стороны нѣкоторыхъ круговъ церковнаго и внѣ-церковнаго общества началась не затихшая донынѣ ожесточенная борьба, нерѣдко переходившая въ травлю, и яростныя нападки. Эти нападки не смущали и не смущаютъ насъ, но тѣмъ свѣтлѣе встаетъ передъ нами образъ почившаго Владыки, тѣмъ сильнѣе императивы благодарной памяти, требующей закрѣпленія для послѣдующихъ поколѣній того, что сдѣлалъ для института, чѣмъ былъ въ институтѣ почившій нашъ Ректоръ.

Настоящій очеркъ не претендуетъ на полноту въ обзорѣннн дѣятельности Митрополита Евлогія, но ставитъ своей задачей выдвинуть лишь то основное и главное, что навсегда связало нашъ институтъ съ именемъ покойнаго Владыки.

Для оцѣнки всей дѣятельности Митрополита Евлогія за его долгую жизнь еще не настало время, — слишкомъ сложна и разнообразна была эта дѣятельность. Въ ней были и противорѣчія, дававшія нерѣдко поводъ для превратныхъ сужденій о Владыкѣ, — и для того, чтобы познать внутреннее единство въ личности Митрополита Евлогія, въ его дѣятельности, надо всегда различать здѣсь между главнымъ и второстепеннымъ. Покойный Владыка сравнительно легко уступалъ во всемъ мелочномъ и вторичномъ, но былъ твердъ и самостоятеленъ въ основныхъ линіяхъ своей дѣятельности. За уступчивость во второстепенныхъ вещахъ Митрополита Евлогія нерѣдко упрекали въ оппортунизмъ; справедливо въ этихъ упрекахъ было лишь то, что покойный Владыка былъ всегда реалистомъ, всегда считался съ реальной обстановкой. Огромное чутье людей, живое ощущеніе дѣйствительности соединялись у Владыки съ исключительной широтой ума, съ умѣніемъ разбираться въ самыхъ сложныхъ обстоятельствахъ. Оттого въ епархіи Митрополита Евлогія никогда не заглохало ни одно живое и творческое движеніе, не гаси-

лась ни одна искра подлиннаго вдохновенія и творчества. Подъ его мудрымъ водительствомъ разнообразныя дарованія русской эмиграціи служили Церкви, не стѣсненныя формальными правилами, — и если пестрота этой свободной, иногда даже буйно растущей, но одушевленной любовью къ Церкви творческой жизни иногда можетъ поставить даже въ тупикъ, то все же жизнь въ епархіи Митрополита Евлогія дѣйствительно была ключомъ.

Богословскій институтъ былъ самымъ значительнымъ, самымъ цѣннымъ и, конечно, самымъ труднымъ, можно сказать — хрупкимъ въ тонкости его постройки дѣломъ. Нужно было сдѣлать, прежде всего, «учебное заведеніе» — школу для пастырей, — и это въ обстановкѣ эмиграціи, въ оторванности отъ русскаго церковнаго бытія, отъ церковныхъ традицій. И вмѣстѣ съ высоко даровитымъ, хотя и крайне неустойчивымъ въ своихъ внѣшнихъ взглядахъ еп. Веніаминомъ, который сталъ первымъ инспекторомъ Богословскаго института, — Митрополиту Евлогію это удалось въ полной мѣрѣ. Самымъ яркимъ свидѣтельствомъ этого можетъ служить очень лестная и похвальная оцѣнка внутренней церковности нашей школы со стороны высоко авторитетнаго въ этомъ отношеніи Митрополита Антонія, который сразу оцѣнилъ горячую любовь къ Церкви, къ уставнымъ службамъ у студентовъ. Митрополитъ Евлогій самъ никогда ничѣмъ у насъ не распоряжался, но его духовная поддержка согрѣвала и одушевляла всѣхъ въ институтѣ. Въ институтѣ сразу, безъ особыхъ усилій, создавалась духовно-здоровая атмосфера, студенты съ любовью посѣщали всѣ службы, образовался превосходный студенческой хоръ, строго соблюдавшій уставное пѣніе подъ умѣлымъ руководствомъ М. М. Осоргина. Эта «внутренняя теплота» согрѣвала не только институтъ, — къ нему долгіе годы тянулись всѣ, кто цѣнитъ красоту нашихъ богослуженій, кого не удовлетворяетъ «партесное» пѣніе и театральная выученность хора. Самъ Владыка Евлогій очень любилъ службы на Сергіевскомъ Подворьѣ, часто служилъ у насъ, — по его выраженію, «отдыхалъ душой» у насъ. У него была своя комната на Подворьѣ, куда нерѣдко пріѣзжалъ провести ночь Владыка.

Обычно, если Владыка былъ въ Парижѣ, онъ никогда не пропускалъ ни одного засѣданія Правленія института, такъ что, ни одно дѣло не проходило мимо него. Учебная сторона въ жизни института была ему близка и дорога, какъ было дорого и радостно ему постриженіе въ монахи студентовъ института. Появленіе монашества въ институтѣ дѣйствительно было органическимъ явленіемъ и свидѣтельствовало о внутреннемъ цвѣтеніи церковности, — и это трогало, можно сказать, умиляло Владыку.

Съ тѣмъ же неослабнымъ вниманіемъ относился Митрополитъ Евлогій къ финансово-экономической сторонѣ въ жизни института. За двадцать пять лѣтъ управленія имъ дѣлами института мы пережили нѣсколько разъ трудные, казалось, уже безвыходные моменты. Владыка былъ всегда крайне остороженъ въ расходованіи средствъ, иногда сурово бережливъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубоко вѣрилъ въ реальную помощь нашего небеснаго покровителя, преп. Сергія. Много чудеснаго

случилось въ этомъ отношеніи съ нами за всѣ эти годы, не разъ мы стояли дѣйствительно на краю гибели, — и это мучило до крайности Митрополита Евлогія. Но ни въ чемъ такъ не познается крѣпкая связь и подлинность любви, какъ въ испытаніяхъ, — и мы всегда знали по нашимъ испытаніямъ, что Митрополитъ Евлогій болѣлъ нашими скорбями, страдалъ нашими трудностями.

Но Богословскій институтъ съ самаго начала былъ для Митрополита Евлогія — какъ и для всѣхъ насъ — не только учебнымъ заведеніемъ. Передъ нами стояла задача не дать замереть нашему русскому богословію, — продолжать ту большую, творческую, хотя и мало извѣстную даже церковнымъ кругамъ богословскую традицію, которая прервалась насильственно на нашей родинѣ, и которую намъ предстояло возродить и творчески продолжить. Владыкѣ Евлогію, по его давнимъ личнымъ связямъ съ профессорами русскихъ Духовныхъ Академій, былъ хорошо и близко знакомъ весь скорбный мартырологъ ихъ, — тѣ ненужныя стѣсненія, которымъ подвергалась богословская наука у насъ раньше. Самъ внутренне свободный, Митрополитъ Евлогій широко и безстрашно предоставилъ свободу и намъ въ институтѣ; не будучи самъ богословомъ, онъ подлинно любилъ богословіе, всей душой ждалъ его расцвѣта у насъ. Это есть незабываемый вкладъ Митрополита Евлогія въ исторію не только нашего Богословскаго института, но и въ исторію русской духовной школы вообще, — которая не можетъ вообще проявить своихъ творческихъ силъ иначе, какъ только въ условіяхъ широкой свободы творчества. Самымъ памятнымъ дѣломъ въ этомъ отношеніи была защита Митрополитомъ Евлогіемъ богословскаго творчества о. С. Булгакова, — тѣмъ болѣе достойная вниманія, что самъ онъ вовсе не раздѣлялъ богословскихъ построений о. С. Булгакова. Но онъ зналъ его безпредѣльную преданность Православной Церкви, зналъ суровую честность его мысли, высоко цѣнилъ его творческія исканія, его стремленіе къ построенію богословской системы. Поэтому, когда поднялись рѣзкіе крики противъ о. С. Булгакова, — сначала въ такъ называемой Карловацкой «юрисдикціи», а потомъ со стороны Москвы, то Митрополитъ Евлогій безстрашно всталъ на защиту о. Сергія, — защищая не его идеи, но защищая свободу богословскаго творчества. Эта позиція Митрополита Евлогія многими была недостаточно понята, — тогда какъ въ этомъ эпизодѣ, въ сущности, былъ поставленъ основной вопросъ не только для будущаго русскаго богословія, но и для судьбы Русской Церкви вообще — вопросъ о свободѣ. Церковная истина вырабатывалась и вырабатывается лишь въ условіяхъ свободы, — и предпосылкой богословскихъ исканій является лишь вѣрность святоотеческой традиціи (беря ее, какъ «*consensus patrum*») и подлинная жизнь въ Церкви. Въ о. Сергіи Булгаковѣ Митрополитъ Евлогій находилъ и то и другое, — и, высоко цѣняя творческій духъ въ немъ, онъ безъ колебаній защитилъ его — и, тѣмъ самымъ, утвердилъ драгоценнѣйшее спасительное начало свободы.

Въ послѣдніе два года наши пути разошлись. Мы не могли послѣдовать за нашимъ Владыкой въ его (неосновательной для насъ) опти-

мистической оцѣнкѣ того, что произошло въ церковной жизни въ Россіи. Но и тутъ, несмотря на всю остроту нашихъ расхожденій, Митрополитъ Евлогій никогда не измѣнялъ основному для него принципу свободы. Онъ хорошо зналъ, какъ рѣзко расходились наши пути, — у насъ было нѣсколько тяжелыхъ, но взаимно-нужныхъ откровенныхъ изъясненій того, какъ понимать положеніе Церкви въ Россіи. И, тѣмъ не менѣе, онъ не только ни въ чемъ насъ не стѣснялъ, а, наоборотъ, самъ много разъ обсуждалъ съ нами вопросъ, какъ охранить Богословскій институтъ отъ возможныхъ нападковъ Москвы. И намъ никогда не забыть того, что за три недѣли до смерти, въ лѣтній праздникъ преп. Сергія, Владыка Евлогій, уже совершенно больной, съ трудомъ выносившій десятиминутную бесѣду, пригласилъ къ себѣ всѣхъ, кто былъ налицо, изъ Богословскаго института, изъ Сергіевскаго Подворья. Онъ зналъ, что въ насъ была всегда отвѣтная горячая любовь къ нему, — хотя и зналъ, что острота разногласій доходила уже до непримиримости. Но позвалъ онъ насъ къ себѣ для того, чтобы вновь и вновь сказать о своей неизмѣнной любви къ институту и Подворью.

Память Митрополита Евлогія священна для насъ, — но она не можетъ не быть дорогой и всѣмъ, кто любитъ богословіе, кто вѣритъ въ Русскую Церковь и кто знаетъ, что расцвѣтъ и Русской Церкви, и русскаго богословія невозможенъ внѣ реальной свободы Церкви.

Прот. В. Зѣньковскій.